

Кроме того, в книге имеется краткая биографическая справка об авторе дневника (с. 37–49) и даны подстрочные текстологические и смысловые примечания публикатора, избавляющие читателя от необходимости искать нужную справку в конце книги. Однако в ряде случаев комментарии явно затянуты, а иногда и просто избыточны. К примеру, вряд ли следовало детально разъяснять, что такое императорский выход (с. 43–44), как выглядел орден Св. Александра Невского (с. 44) и т.д. При комментировании важнее, наверное, придерживаться принципа «перекрёстных указаний», давая отсылки на другие источники и исследования, в которых нашли отражение соответствующие сюжеты, особенно если в них содержится более полная или аргументированно иная версия события. Но это, конечно, требует колоссальной эрудиции, исследовательского опыта и значительно больших труда и времени.

Немало страниц занимают указатели имён (с. 583–640), «географических названий, мест и сооружений» (с. 641–676) и «государственных учреждений, административных единиц и должностей» (с. 677–700). Однако последние не имеют отсылок к страницам книги, что существенно уменьшает их ценность. Кроме того, среди «государственных учреждений, административных единиц и должностей» упоминаются органы местного самоуправления, добровольные общества и т.д. Странно выглядят и краткие определения земства, губернатора и т.п. – всё же едва ли данную книгу станут читать те, кто не знает, что это такое. Есть упущения и в аннотированном указателе имён. Далеко не все фамилии, упоминаемые Половцовым, Голечковой удалось разобрать. Так, в некоем «Тартвиге» (с. 407) угадывается Н.Г. Гартвиг, занимавший в 1904 г. должность директора Азиатского департамента МИД (чем и объяснялось его присутствие на обеде у германского посла Ф. Альвенслебена, отмеченное в дневнике). Но даже неверно прочитав фамилии, нельзя было вовсе не упоминать их в именном указателе. Более того, в него почему-то не попали и те, чьи фамилии были указаны правильно. Например, А.И. Пантелеев и И.Е. Шевич (с. 422), К.И. Вогак (с. 423), М.Н. Галкин-Врасской (с. 436) и др. К сожалению, счёт идёт на десятки. И это весьма серьёзный недостаток в столь, казалось бы, тщательно подготовленной публикации. Хотелось бы надеяться на его устранение в случае переиздания этой книги.

Но в целом, конечно, издание по оригиналу столь интересного и важного источника, освещающего обширный круг явлений и событий государственной и культурной жизни России конца XIX – начала XX в., нельзя не приветствовать. Тем более, что, судя по вводной статье, на сей раз он стал доступен для читателя именно в том виде, в каком сохранился, без пропусков и исправлений. Помимо прочего это заставляет задуматься и о том, что давно уже следует написать подробное биографическое исследование об А.А. Половцове и его роли в истории России, особенно в царствование Александра III.

Олег Милевский: «Зазеркалье» российской политической жизни

*Oleg Milevskiy (Surgut State Pedagogical University, Russia):
Backstage of Russia's political life*

Имя А.А. Половцова хорошо знакомо российским историкам. Как великолепный исторический источник известен и его дневник 1883–1892 гг., изданный П.А. Зайончковским. Позднейшие же записи долгое время цитировались, как правило, по сокращённой и весьма несовершенной публикации в «Крас-

ном архиве». При подготовке их полного научного издания О.Ю. Голечковой фактически пришлось осуществить реконструкцию дневника 1893–1909 гг. как целостного документа, поскольку часть его сохранилась лишь в машинописных копиях, а в оставшихся тетрадях заметки за разные годы зачастую идут вперемешку. В целом с этой кропотливой источниковедческой работой составительница успешно справилась.

В тщательно восстановленном тексте дневника подробно описываются заседания различных комитетов и комиссий, закулисные интриги, характеризуются особенности государственного управления, социально-экономической и внешней политики России, особенно на Дальнем Востоке, даются яркие, психологически тонкие и обычно весьма критичные оценки таких государственных деятелей, как А.А. Абаза, С.Ю. Витте, И.А. Вышнеградский, Н.К. Гирс, И.Н. Дурново, В.Н. Коковцов, гр. В.Н. Ламздорф, кн. А.Б. Лобанов-Ростовский, В.К. Плеве, К.П. Победоносцев, Д.С. Сипягин, П.П. Шипов и др. При этом острые и нередко полемичные суждения автора дневника соотносятся в комментариях с мнениями Николая II, генеральши А.В. Богданович, гр. В.Н. Коковцова и других мемуаристов.

Критически отзываясь о царствовании Александра III и лицах, окружавших его в последние годы жизни, Половцов надеялся на то, что вступление на престол Николая II приведёт к обновлению правящей элиты. «Назначение Вышнеградского министром финансов, – писал он 29 марта 1895 г., – было поворотной точкой в приёмах царствования Александра III. Оно ознаменовало исчезновение преклонения перед существовавшими порядками и общественным характером состоявших во власти людей. То был первый пример бесцеремонного возвеличивания тёмного человека по каким-то тёмным интригам. Это разнуздало политические аппетиты разных пронырливых негодяев, которые стали успешно ломиться в недоступные им дотоле двери пользовавшихся некоторым уважением учреждений... В течение ныне шесть месяцев продолжающегося царствования Николая Александровича высших назначений удостоились люди иного пошиба: Лобанов, Хилков, Шидловский, Голубев, Мордвинов, Шувалов, Сакен. Всё это невесело людям, пользовавшимся расположением Александра III» (с. 139). Однако уже в 1899 г. автор дневника несколько изменил мнение о характере правления молодого монарха. В частности он сетовал на то, что МВД возглавил Сипягин – «человек крайне бездарный, племянник графа Толстого, и потому быстро попавший из уездных предводителей в губернаторы и даже московские губернаторы». «Здесь, – утверждал Половцов, – кланясь великому князю Сергею Александровичу, он снискал расположение и по его рекомендации сделался товарищем министра государственных имуществ, а потом внутренних дел» (с. 232). А ведь ещё в 1894 г. он полагал, что «Сипягин – недурной и неглупый человек, с весьма мягкими внешними формами» (с. 79).

В дальнейшем разочарование Половцова в политике Николая II только нарастало. «Всё творится отрывочно, случайно, – отметил он 22 июля 1901 г., – под влиянием момента, по проискам того или другого, по ходатайствам вылезающих из разных углов искателей счастья. Юный царь всё более и более получает презрение к органам собственной власти и начинает верить в благотворную силу своего самодержавия, проявляя его спорадически, без предварительного обсуждения, без связи с общим ходом дел. Страшно сказать, но под впечатлением напечатанной на днях Шильдером книги начинает чувствоваться что-то, похожее на павловское время» (с. 307). Желание молодого монарха пра-

вить единолично пугало Половцова. По его словам, «Сипягин, а вместе с ним и после него Мещерский, убедили Государя, что люди не имеют влияния на ход человеческих событий, что всем управляет Бог, коего помазанником является царь; что царь должен никого не слушаться, ни с кем не советоваться, а следовать исключительно божественному внушению» (с. 358).

Кроме того, тот же Сипягин «убедил Государя в необходимости сохранить неприкосновенной общину и стадное начало» (с. 345). Половцову, считавшему, что необходимо «установление права собственности» и «дарование действительной возможности перехода от общинного владения пахотными землями к участковому, а затем от участкового к единоличному» (с. 157–158), для продвижения в высших сферах своих предложений приходилось искать обходные пути: «Идти напрямик невозможно, но Государь убеждён в необходимости уничтожения круговой поруки, и вот я вношу в Государственный совет проект об уничтожении круговой поруки, последствием чего должно неминуемо быть уничтожение общины и стадного управления» (с. 345). Решительно и, как показало время, весьма недальновидно осуждал Половцов и политику «социалиста» и «заклятого анархиста» С.В. Зубатова, добивавшегося удовлетворения потребностей рабочих «сверху» (с. 339, 347, 353, 358).

Начиная с 1902 г. дневник всё чаще напоминает документальное свидетельство надвигающейся катастрофы, порождённой порочной системой управления. 5 апреля 1904 г. Половцов констатировал: «Всякие затруднения представляются невероятными и многочисленными, а между тем государственный механизм, ведущий высшие государственные дела, по устройству своему не внушает доверия. Самые важные мероприятия следуют одно за другим без коллегиальных обсуждений. Ни о каких у Государя советах ничего не слышно; отдельные личности, как, например, Александр Михайлович, всеми презираемый Мещерский, ничтожный аферист Безобразов, имеют тайный доступ и влияют на ход дел государственных, от коих зависит судьба русского народа, – всё это более и более проникает не только в средние, но и низшие классы и не может не иметь грозных последствий» (с. 456). Впрочем, подобные ощущения возникали тогда у многих из тех, кто был близко знаком с реальным положением дел в России.

В условиях начавшейся революции оставалось уповать лишь на появление сильной личности. «Заезжает Витте, – записал Половцов 1 октября 1905 г. – Крайне мрачно настроен. Положение ужасно, почти безнадежно. Спасти может только диктатор, но где его взять. Отвечаю, что его нужно взять из стоящих иерархически во второй линии, но по личным достоинствам значительно превосходящих Линевича и Куропаткина, как, например, Зарубаев и Самсонов» (с. 478). При этом вина за случившееся возлагалась прежде всего на ошибки минувшего царствования. «Посещаю Сольского..., – отметил Половцов 13 июня 1906 г. – На вопрос его, кто виноват в наших теперешних несчастиях, я категорически отвечаю: Александр III, который по вступлении на престол вследствие назиданий Победоносцева, Каткова, и К° отверг утверждённое и отцом его, и им самим предложение созвать представителей земства для сотрудничества с Государственным советом и будучи человеком ограниченного ума и упрямого характера, стал коверкать законодательство Александра II, не понимая, что де-лает» (с. 532).

Узнав о спорах о пределах власти императора, происходивших 9 апреля 1906 г. на Царскосельском совещании, Половцов иронизировал: «Нашлись

куртизаны, кои утверждали, что Государь имеет право не только издать ныне новые Основные законы, но и изменять их по своему усмотрению. Более честные люди утверждали, что он должен иметь лишь инициативу в возбуждении вопросов об изменении Основных законов, но это самое изменение должно совершаться лишь в установленном законом порядке» (с. 514). Тем не менее в реформированном Государственном совете Половцов присоединился к правым (принадлежа к умеренной их части).

Ольга Белоусова: Россия рубежа веков в дневниках А.А. Половцова и гр. С.Д. Шереметева

Olga Belousova (Lomonosov Moscow State University, Russia):

Russia at the turn of centuries in A.A. Polovtsov and S.D. Sheremetiev's diaries

В истории императорской России лишь немногие государственные деятели на протяжении десятилетий регулярно фиксировали в своих дневниках события, происходившие с ними и вокруг них – в правительственных и придворных сферах. Ценность подобных источников исключительно высока, и они неизменно притягивают к себе исследователей эпохи. Неудивительно поэтому, что А.А. Половцов известен в наше время во многом именно благодаря своему дневнику – точнее даже, его фрагменту, изданному П.А. Зайончковским, охватывающему 1883–1892 гг. Половцов занимал тогда значимый в бюрократической иерархии пост государственного секретаря. Но и впоследствии, вплоть до своей кончины, Половцов, будучи одним из членов Государственного совета, оставался в числе наиболее осведомлённых сановников. Он председательствовал в Императорском Русском историческом обществе, заседал в Финансовом комитете и различных Особых совещаниях, при этом не без гордости замечая, что не стесняется произносить речи и участвовать в прениях. Несмотря на отказы от периодически делавшихся ему предложений занять ту или иную высокую должность – например, председателя Департамента законов или Департамента гражданских дел Государственного совета, – в 1905–1906 гг. он, тем не менее, привлекался к обсуждению реорганизации Совета министров и Государственного совета, к подготовке учреждения Государственной думы.

Между тем, конечно, покинув Государственную канцелярию, Половцов из творца правительственной политики превратился в её активного наблюдателя. Усиливавшиеся с возрастом болезни и обострявшаяся из-за этого необходимость надолго уезжать на лечение за границу, безусловно, выбивали его из круговорота политической жизни. Но это никак не сказывалось на обширных и глубоких связях Александра Александровича с особами Императорской фамилии, представителями столичного чиновничества и петербургского света, а именно они обеспечивали его влияние и роль незаменимого посредника между различными лицами и группами высшего общества.

Необходимость издания дневников Половцова 1893–1909 гг. была очевидна уже давно, и их публикация О.Ю. Голечковой стала в прямом смысле слова долгожданной. При этом исследовательница проделала колоссальную скрупулёзную работу, восстанавливая датировку и последовательность записей, сопоставляя их фрагменты, опубликованные в 1920–1930-х гг. в «Красном архиве», с тетрадями и машинописными копиями, хранящимися в ГА РФ. Существенным дополнением к дневнику являются включённые в него самим автором письма, тексты его речей и заметок, составленная им в 1895 г. записка по кре-